

ЕКАТЕРИНА
КАРЕТНИКОВА

БОЛЛОВ
ПО
РИХТЕРУ

Екатерина Алексеевна Каретникова

Шесть баллов по Рихтеру

Серия «NoSugar. Тьма»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69591697

Е. Каретникова. Шесть баллов по Рихтеру: ООО «Издательство

АСТ»; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-158180-0

Аннотация

Есть любимый человек, который решил бороться с болезнью любой ценой. Есть красный дождь, который льет, не переставая. Есть другой мир, в котором наши болезни исчезают. Есть проводник в тот мир – строптивый, но лучший. И нет времени выяснять, откуда этот проводник взялся, какова расплата за исцеление и что делать, если возврата в свой мир не будет.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Рихтер и Ангелин	7
Глава первая. Одна очередь	7
Глава вторая. Судьба музыканта	15
Глава третья. Еще вместе	21
Глава четвертая. Покинуть территорию	28
Часть 2. Вик и Нора	40
Глава первая. На берегу Илга	40
Глава вторая. Серый Шарик, огненный цветок	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Екатерина Каретникова

Шесть баллов по Рихтеру

© Каретникова Е., 2023

© ANSTAY, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Пролог

Мне стало так страшно, что я замерла и вдруг подумала – не смогу. Не смогу ничего больше – ни шагнуть вперед, ни прикрыть глаза, ни сказать хоть что-нибудь, ни заплакать. Останусь здесь, без движения, без дыхания, без жизни. Сначала прохожие еще будут меня замечать и осторожно обходить, но со временем фигура начнет терять цвет, очертания – расплываться, как становятся бесформенными любые силуэты в наступающей темноте. Только виновата в моем исчезновении будет не темнота, а застывшее время и пространство, которое в этом времени не может существовать.

– Узнала? – спросил Вик.

Кажется, он не заметил, что со мной творится. Просто подумал, наверное, что я увидела лицо близкого человека и хочу помолчать.

Да, на афише было лицо самого близкого мне человека. Единственного. Любимого. Его нарисовал удивительный художник, почти не исказив черты, но мне казалось, что Рихтер горит. Горит изнутри и освещает все, до чего может дотянуться. Не рукой дотянуться – взглядом и светом. Там были всего три краски, вернее, две. Черная и алая. Третьей была белая, но ею просто притворялась белизна бумаги.

Растрепанные черные волосы – то ли волны, то ли густые осенние тени. Черные глаза – распахнуты так, что я никогда

не смела отвести взгляд первой. И алые отблески, скупые, краткие, но попадающие в самое больное.

Это был Рихтер. Мой. Тот, без которого я не могла жить, но как-то жила уже бессчетное количество дней. И чужой. Потому что под пальцами у него разбегались клавиши.

Мой Рихтер не мог выступать. У него были сломаны пальцы. Давно и безнадежно.

А здесь висела афиша. С афиши смотрел Рихтер. И то ли это было какой-то новой правдой, к которой мне еще придется привыкать, то ли непонятно кем и зачем устроенной мистификацией. Мистификацией в чужом мире, попасть в который нам чуть не стоило жизни. Жизни одной на двоих.

Часть 1. Рихтер и Ангелин

Глава первая. Одна очередь

Мне было так холодно, что я не могла согреться ни чаем, ни пледом, ни прижав руки к батарее. Вспоминалось раннее детство, когда мама задерживалась на работе, а я леденела от ужаса, представляя, как ее автобус перевернулся или что ее сбила машина на нашем перекрестке. У нас был опасный перекресток – ни зебры, ни светофора.

Однажды я успела умереть от страха, поплакать, прячась от отца, и мысленно попрощаться с мамой, когда она задержалась на пятнадцать минут. Зашла в булочную. Зашла после работы в булочную, а меня не предупредила!

Но тогда все страхи рассеивались, стоило только зашуршать ключу в замочной скважине. Страх исчезал, слезы высыхали, я бежала к маме и кричала:

– Ты пришла! Наконец-то ты пришла! Как я соскучилась!

Папа смотрел на меня изумленно. Он во время моих страданий смотрел телевизор и даже не подозревал, до чего мне худо. А я ему не рассказывала. Мне было стыдно.

Но теперь все сложилось не так. В тот день нашу историю собирали как никому неизвестный пасьянс, про который даже не знали, может ли он сойтись в принципе. Как буд-

то прежние карты устарели и тот, кто распоряжался нашими судьбами, выбросил их в мусорное ведро. А новые украл в типографии, пока их толком не успели ни допечатать, ни обрезать до нужного размера.

Когда родители не вернулись с работы как обычно, я до десяти вечера металась по квартире и все льнула к окнам. Я надеялась, что вот сейчас они появятся из-за угла и подойдут к дому. Или с другой стороны, с трамвайной остановки. Мало ли? Вдруг автобусы не ходят? Или, на худой конец, остановится такси и оттуда выйдет кто-нибудь один – мама или папа. А когда поднимется в квартиру, скажет, что второго увезли в больницу. Но это ничего страшного, там он поправится. Я в это верила. До двадцати двух ноль-ноль.

А в двадцать два ноль-ноль мне позвонил наш участковый. Я его почти не знала, но все-таки два раза видела на занятиях по безопасности, которые он вел в школе по приглашению директора. Или, может, завуча старших классов. Точно я не знала.

Он позвонил и первым делом спросил, сколько мне лет.
– Восемнадцать, – честно ответила я.

В тот момент я никак еще не связала в голове, что мамы и папы до сих пор нет и его звонок со странными вопросами. А он продолжал. Могу ли я сейчас одеться и проехать с ним в одно место. Я ответила, что одеться могу, но ехать – никак нет, потому что родители должны вот-вот вернуться, а пока мне даже отпроситься не у кого. В этом месте разгово-

ра участковый то ли закашлялся, то ли подавился, но сказал, уже не спрашивая, чтоб я срочно одевалась и через десять минут открыла ему дверь. Он будет в форме – это раз, и когда я спрошу: «Кто?», он ответит, что Игорь Сергеевич.

Я оделась медленно, потому что все равно каждую минуту подходила к окну. Но там никого не было, кроме соседа с лохматой белой собачкой. Видно, вышли в последний раз, перед сном.

Игорь Сергеевич появился не через десять минут, а через полчаса, и выглядел так, будто месяц пролежал в больнице.

– У тебя успокоительное есть? – спросил он.

Я подумала, с каких это пор участковые просят валерьянку, но только уточнила:

– Корвалол подойдет? Сколько капель?

– Бери весь пузырек, – велел он.

А когда я посмотрела на него удивленно, быстро объяснил:

– С собой бери. Там надо будет.

– Там – это где? – наконец спросила я.

– В больнице. Вернее... Ну ладно. Понимаешь, девочка... – он замолчал и махнул рукой. – Ты присядь, вот что.

– То одевайся, то корвалол, то присядь! – не выдержала я.

Нервы и так были на взводе из-за родителей, которые сроду не задерживались до одиннадцати вечера. Тем более, оба и без предупреждения.

– Да я сам не знаю, что сказать, – вдруг признался Игорь

Сергеевич. – Думаешь, у меня такое каждый день? Я ж не из убойного отдела.

На этих словах я замерла и почувствовала, как от кончиков пальцев выше и выше поднимается сковывающий холод. А еще я поняла, что если до этой минуты надеялась, что все обойдется и родители вот сейчас позвонят в дверь или откроют ее своими ключами, то теперь надеяться особо не на что. То есть, совсем не на что.

– Говорите, – прошептала я и с шепота тут же сорвалась на крик. – Пожалуйста, говорите!

– Понимаешь... Нет, ты все-таки присядь.

– Да сижу я! – крикнула я и опустилась на пол.

– Они же у тебя в НИИВП работали?

– Да, – кивнула я.

И тогда меня как иглой в сердце кольнуло это прошедшее время.

– Там стрельба была, – коротко рассказал Игорь Сергеевич. – Разборки бандитские. А твои как раз вышли с проходной. Ну и положили их. Одной очередью.

Он замолчал, а я пыталась не свихнуться вот прямо в эти секунды, здесь и сейчас. Я цеплялась взглядом за пыль на краю коврика, за царапину на холодильнике, которую помнила лет с десяти, за грязный след от ботинка на линолеуме. Почему-то мне казалось, что если я перестану смотреть на простое и знакомое, то больше меня с этой землей ничего роднить не будет, и удерживать на ней станет нечему. И я

сорвусь и улечу в безумие и безвременье.

Но потом я все-таки посмотрела на участкового и спросила:

– А ехать в морг, опознавать?

Он кивнул.

Я так и не поняла, почему это нужно было делать ночью. Но спрашивать не стала. Страшнее всего, мне казалось, остаться теперь одной в квартире. Лучше я поеду с участковым.

Правда, на половине дороги до меня дошло, куда именно мы едем и что я там увижу. Мне стало так страшно, что зубы застучали, а пальцы свело судорогой. Но участковый не заметил. Или он привык возить таких у себя в машине.

Но оказалось, что в морге не привыкли. Мужик за столом посмотрел на меня и сразу дал отмашку:

– Она – девчонка совсем. Ты с дуба рухнул? Сюда притащил, да еще ночью. Вези обратно.

– Так у них других родственников нет, – начал бубнить Игорь Сергеевич.

Похоже, до него тоже дошло, что тащить меня в морг ночью – дело не совсем правильное.

– Родственников нет, сослуживцев завтра веди! – заорал из-за стола сотрудник морга. – А девчонку, чтоб домой отвез. Сейчас же.

Я представила, как опять поеду в машине участкового, и как он будет молчать и пялиться на меня в зеркало: на месте

у меня крыша или уже не совсем, и сказала почти нормальным голосом:

– Не нужно меня никуда везти. Я вызову такси.

Мужики переглянулись удивленно.

– Такси ночью приезжает быстро, – на всякий случай объяснила я, чтоб не вздумали отговаривать.

– Ну вызывай, – разрешил тот, который был за столом.

Я открыла приложение и ткнула пальцем в сразу предложенный программой домашний адрес.

Такси нашлось быстро. Ночь, рабочий день. Предложений много, спрос невелик. Я вызвала самое дешевое и поднялась со скамьи.

– Можно на улице подождать? Тут у вас душно.

У них не было душно на самом деле. Просто я не могла сидеть в этом несчастном здании и знать. Знать, что совсем рядом, за одной из стен, лежат мои мама и папа. Лежат и никогда больше не встанут и не придут домой.

– Можно и на улице, – сказал участковый. – Номер таксиста мне скинь. И ему скажи, что скинула.

– Это чтоб меня было легче искать, если пропаду?

– Это чтоб ему разная дурь в голову не приходила.

Я кивнула и выползла на крыльцо. Пахло табачным дымом и сыростью. Я подавилась запахами, не смогла вдохнуть и в ту же секунду ослепла от слез. А больше ничего не случилось. Я не умерла, не упала в обморок, не закричала. Протолкнула пакостный воздух в себя поглубже, вытерла

глаза рукавом и уставилась на экран смартфона.

«Вас ожидает такси».

Такси действительно ожидало, метрах в пятидесяти. Ну да. Кто в нормальном состоянии поедет к двери больничного морга? И кому позволят туда проехать без спецпропуска?

– Здравствуйте, – сказала я, открыв переднюю дверь машины. – Вы на улицу Терехина?

– Да вроде, – кивнул таксист – молодой дядька с жгуче-черной бородой.

Раньше я таких боялась до ужаса, теперь мне было все равно.

Я села сзади (всегда в такси сажусь сзади) и быстро скинула номер машины участковому.

– Я ваш номер дала... – начала я, но таксист перебил.

– Отцу? Правильно, чо. Одна, ночью. Должен знать, с кем едешь.

Я подумала, что мой отец уже никогда не будет знать ни с кем я еду, ни куда, ни когда. Но ничего объяснять не стала. Зачем? Пусть думает, что у меня отец здесь работает. Работает, а не лежит где-то рядом с мамой.

Нет, я не заревела. Сжала зубы, стиснула кулаки, и всё. Плакать можно дома. Долго. Хоть всю оставшуюся жизнь.

Пока мы ехали, я старалась просто смотреть в окно. Темнота темнотой, но фонари и фары освещали улицу и из домов лился слабенький свет. Разноцветные окна напоминали леденцы. Помните, были такие в прозрачных целлофано-

вых оберток? Сначала их никто не мог достать, кроме особо приближенных к леденцовым далям и высям. А потом они стали продаваться в каждом магазине. Правда, дорого.

Мы доехали. Мой дом показался мне совсем чужим и темным. Я расплатилась с таксистом, толком не поняв даже, много дала ему денег или мало. Он, похоже, в конце поездки все-таки заметил, что с пассажиркой что-то не то. Видимо, не зря она вызывала ночью такси к моргу.

– Девушка, может, вас проводить? – спросил он. – А то подъезд у вас темный. И район не для ночных прогулок.

Я прикинула, кого я больше боюсь: таксиста или неизвестных гопников в подъезде, и вдруг поняла, что никого. Меня охватило ледяное безразличие ко всему.

– Спасибо, – сказала я. – В своем дворе я не боюсь.

Это тоже было правдой. Сюда не приходили чужие. Их бы свои разметали по всему двору. Но свои меня знали, мы в одной школе учились, пусть и до девятого класса.

Водитель пожал плечами, вернул лишнюю сотню и пожелал мне спокойной ночи. Я пробормотала в ответ, что и ему. А сама подумала, что спокойная ночь стала бы для меня сейчас несбыточным счастьем.

Закрыв с хлопком подъездную дверь и сделав несколько шагов, я почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Со спины, в упор.

Глава вторая. Судьба музыканта

Раньше я бы испугалась, а теперь просто остановилась и повернула голову. Голова на сто восемьдесят градусов, конечно, не поворачивалась, но боковым зрением я увидела темную мужскую фигуру. Наверное, каждая приличная девушка завизжала бы. Но я не стала. Я крутанулась на каблучке, чтобы рассмотреть человека, стоявшего за спиной.

И тут мне повезло. Первый раз за весь этот проклятый бесконечный день, перекочевавший в ночь. В подъезде стоял единственный человек на свете, которого я сейчас могла видеть без раздражения и злости. Я даже, наверное, в глубине души вспоминала о нем, как о том, кто мог бы меня спасти от самого жуткого черного ужаса этой ночи. Но я же просто вспоминала – не звонила, не звала. А он будто подслушал мысли. Стоял здесь и смотрел на меня. Теперь уже глаза в глаза.

Я подбежала к нему, обняла, прижалась лбом к его куртке и всхлипнула. Раз, другой, третий, а потом слезы полились рекой Волгой. То есть, двумя реками. Они текли, а я никак не могла ничего сказать.

Но он меня просто прижимал к себе, и больше ничего. Прижимал крепко, почти до боли. Но как мне была нужна сейчас именно эта боль! Как нужна!

А потом он все-таки сказал:

– Не говори ничего, я все знаю про твоих. В школу приходили.

Я поняла, что он опять сидел в школе допоздна. Он часто там оставался по каким-то своим делам. Вот, значит, и сегодня остался. А когда полиция пришла сначала в школу, чтобы узнать мой адрес, он все услышал и сложил два и два.

– Я думал, что ты уже дома. И пришел.

– Так я дома, – наконец выдавила из себя я. – Ты не представляешь... Не представляешь, как ты вовремя.

Я плохо помнила, как мы оказались в квартире. Кажется, он сам нашел ключ в моем кармане и сам открыл дверь.

– Мне нужно в ванную. И переодеться, – сказала я.

Он кивнул.

– А ты не уйдешь?

Я спросила, и голос задрожал. Он всегда торопился, всегда куда-то бежал, спешил, опаздывал, и у нас не было времени даже, чтоб спокойно поговорить о чем-нибудь, кроме выпускных экзаменов или контрольной по геометрии. Впрочем, иногда и о контрольной по алгебре тоже.

– Нет, – сказал он ровным голосом. – Я никуда не уйду, даже если ты просидишь в ванной до утра.

В ванной я разделась, включила душ и подумала, что вот сейчас заплачу по-настоящему. Ведь до этой минуты мне непременно кто-то мешал. То участковый, то доктор из морга, то таксист. То он – мой самый любимый человек на свете. Теперь получалось, что так. Больше мне любить было неко-

го.

Но слезы застряли где-то далеко, и я не смогла ни заплакать, ни даже всхлипнуть по-человечески. Несколько раз судорожно хлебнула воды из-под крана, потому что горло горело и казалось, что без воды этот невидимый огонь перейдет на кожу. И я умру, не выдержав болевого шока. Хлебнула воды. Не умерла.

Полотенце показалось жестким и неприятным, но я вытиралась быстро и так, чуть-чуть, оставляя влагу везде, где она могла остаться. Вытерлась, надела махровый халат, затянула пояс на два узла. И, даже не посмотрев в зеркало, вышла.

Он сидел на кухне. Перед ним стояла большая чашка с чаем и еще одна, пустая. Не моя. Но откуда он бы знал, какая – моя?

– Это мамина, – быстро сказала я, пока слезы не прорвались, и убрала пустую чашку в сушилку. А себе достала привычную, с красно-белым цветком.

– Извини, – сказал он и показал на свою. – А эта?

– А эта для гостей. Ты не помнишь? Когда приходил, я тебе наливала в нее.

– Прости, не помню. Или помню, но на подсознательном уровне.

Я кивнула. Он прикоснулся к чашке чуть искривленными пальцами. Эти пальцы с детства оставались его болью. Нет, если не знать, ничего такого ужасного в них не было. Просто они неправильно срослись после перелома. А он всю жизнь

мечтал стать музыкантом. И до травмы у него даже получалось что-то, от чего преподавательница становилась серьезной и торжественной и однажды сказала, что такие ученики у нее никогда не занимались. Он был ей наградой за сотни выслушанных гамм и еще за что-то такое, чего никто не запомнил. Но награду быстро отобрали. У преподавательницы награду, у него надежду. Школьные гопники однажды засунули ему руку под дверные петли и закрыли дверь. От боли он потерял сознание. Ненадолго, но испугались все, гопники тоже. Мелкие гопники всегда трусы. Они же поняли, что за убийство придется отвечать не по-детски. А потом оказалось, что он не умер как человек, но умер как музыкант.

– Хороший чай, – сказал он.

– Ага, – кивнула я. – Всегда завариваю свежий.

– Ангелина...

В первый раз за сегодняшний день он назвал меня по имени. Хотя, какой там день? Давно наступила ночь. Странно, что я совсем этого не чувствовала. Я как будто подвисала во времени и пространстве, но это было ни капли не похоже на обычное желание спать.

– Ангелина, – повторил он. – Я сегодня посмотрел такой фильм. Называется «Мир за дождем». Там люди, у которых в нашем мире что-то не так, могут уйти в другой.

– Умереть? – догадалась я.

Он испуганно махнул рукой:

– Нет, что ты! Вовсе нет. Просто уйти в параллельный

мир. И там, может быть, стать счастливыми. Но это как повезет. Может, будет и еще хуже.

– А вернуться нельзя? Если хуже?

– Теоретически можно. Но есть один нюанс. В течение двух недель человек теряет память о прошлом мире. Она вытесняется новой памятью – о новом мире. Ну как будто он там родился и жил всю жизнь. То есть, чтобы вернуться, нужно успеть все решить за две недели.

– Ясно, – сказала я.

Мне вдруг стало тоскливо. Так тоскливо, что сердце начало биться тяжелее и медленнее, а во рту появился привкус металла. Я представила, что он – тот, кто сидит сейчас перед мной, всю жизнь будет думать только об одном. Как вернуть прежнюю гибкость пальцам. Сначала он будет об этом думать. Потом искать врачей. Потом колдунов. А потом подсядет на наркотики или сопьется. С горя.

Я прямо увидела эти картинки перед глазами как кадры из фильма. Не «Мира за дождем», другого, куда более грустного. А потом поняла, что это все-таки не картинки, это сон. Самое его начало, робкое и легко рвущееся.

– Прости, – сказала я. – Я, кажется, засыпаю.

– Я тоже, – сразу ответил он. – Покажешь, где мне лечь?

– Пойдем.

Я почему-то сразу решила, что он ляжет в другой комнате. А он встал и вдруг начал меня целовать. Это было так непривычно и так странно, что мне показалось: я опять сплю

и вижу сон. Только на этот раз счастливый.

Жаль, что счастье оборвалось сразу, как я вспомнила, что сегодня произошло, и почему у меня дома остался ночевать мой самый любимый человек на свете.

Рихтер. Да, его все так называли, еще с первого класса. И я тоже. Еще тогда, когда его пальцы были гибкими и тонкими, а сам он каждый день ходил в музыкальную школу, а по выходным – к преподавательнице, лучшей в городе. По крайней мере, у нас так говорили.

Счастье оборвалось. Но потом снова стало ткаться по ниточке, по пушинке, как легкая паутина или шар невидимого одуванчика. Когда он прикасался ко мне губами, кончиками пальцев, ладонями. А после всем телом, сухим и горячим, как будто у него была высокая температура, а я, наоборот, замерзала и превращалась в ледяную воду.

Он не дал мне ни застыть, ни замерзнуть. И даже уснуть до половины пятого утра – и то не позволил. Пока не уснул сам.

Глава третья. Еще вместе

Дни тянулись — дождливые, серые, наполненные неизвестностью и тоской. Сначала, оглушенная своим личным горем, я не обращала внимания на то, что творится вокруг. Иногда, если до ушей долетали обрывки новостей, мне казалось, что мир сходит с ума. Но потом я решала, что это я схожу с ума. А на самом деле все, как всегда. Кто-то ворчит, что климат испортился окончательно. Где-то пропадают люди. А кто-то предсказывает, что скоро все закончится. Вот только непонятно, что он имеет в виду. Конец этого мира? Или конец каких-то странных событий, происходящих вокруг нашего города?

Три дня я редела и не включала ни телевизор, ни радио, вообще. Потом мне позвонили и сказали, что родителей можно похоронить. Но, видимо, позвонили не только мне, потому что люди с их работы тоже связались со мной и объяснили, что я могу не волноваться, они все сделают сами. Мне было больно. Мне было страшно. Мне хотелось исчезнуть или хотя бы уснуть на полгода, чтобы проснуться, а все это давно осталось позади. Рихтер писал мне каждый день по сети, но приходить не приходил. Наверное, мы оба испугались того, что сошлись так близко. Испугались и не знали, что с этим делать дальше, особенно сейчас.

Потом были похороны. Я не буду о них рассказывать. У

меня до сих пор начинают трястись руки, когда я пытаюсь восстановить события того дня, и пальцы не попадают на нужные кнопки клавиатуры.

Потом прошла неделя, когда я училась жить одна. Включать и выключать свет, просыпаться под будильник, выносить мусор, покупать еду, готовить себе что-то на завтрак, обед и ужин. С деньгами у меня внезапно оказалось все неплохо. Я нашла родительские банковские карты. И ПИН-коды тоже нашла. Денег там было столько, что при аккуратных расходах хватило бы до конца следующего года. А может, и дольше. Я удивилась. Мне всегда казалось, что родители зарабатывают немного. То есть, на жизнь хватает, а чтобы откладывать или делать крупные покупки – нет. Оказалось, что я ошибалась. Оказалось, что в последние месяцы они оба зарабатывали не просто хорошо, а до странного много. При их-то работе в НИИ на инженерных должностях.

Мне, конечно, повезло еще в одном – мне уже исполнилось восемнадцать, и я могла жить без опекунов. И без попыток устроить меня в детский дом.

Первая неделя после похорон была чудовищной, вторая не сильно лучше.

А потом, когда Рихтер привычно написал коротенькое вечернее сообщение, я попросила: «Приходи, пожалуйста».

Сначала я хотела объяснить ему, что ничего не имею в виду. Что не собираюсь его соблазнять или лезть с бесконечными разговорами. Мне просто было нужно хоть немножко

побыть с живым человеком. В одной квартире побыть, а не как-нибудь там. А потом я подумала, что ничего объяснять не буду. Позову и все. Чем больше пишешь слов, тем проще в них запутаться. И вдруг я буду иметь в виду одно, а он поймет все совсем наоборот?

Он пришел. Пришел вечером, усталый, похудевший, с запавшими глазами и почти негнувшимися пальцами на правой руке. Нет, они и раньше гнулись не слишком хорошо, я уже рассказывала, но сейчас торчали как-то совсем вызывающе.

– Ты болеешь? – спросила я.

– Весь город болеет, – ответил он.

– Гриппом? – удивилась я. – Вроде не время.

– Алыми дождями.

– Чем?!

Он посмотрел на меня изумленно, а потом, наверное, вспомнил, что мне сейчас простительно. Все простительно. Ничего не знать о том, что творится снаружи моего несчастного мирка, тоже.

И он начал рассказывать о том, что показалось мне началом страшного фильма. Я слушала и мне казалось, что такого просто не может быть. Но то, о чем Рихтер говорил, совпадало с обрывками новостей, которые я краем уха слышала по радио или читала в сети. Меняющийся мир не был моим бредом, вот в чем дело. Он на самом деле менялся, резко и страшно. И правила, по которым люди в нем жили, менялись тоже.

Рихтер опять пытался разрабатывать руку. Хотя ему и говорили, что нельзя, что бесполезно, что может быть потом. Он каждый день садился за пианино и играл. У меня тоже. Мне казалось, что его «хромающая» музыка все равно прекрасна, столько в ней было боли и света. И чего-то еще, почти невозможного на Земле. Но то мне. Остальные, кому он пробовал посылать свои аудиозаписи, вздыхали, отворачивались и бормотали, что на свете полным-полно других интереснейших занятий. Не одна же музыка есть на свете.

У него глаза стали совсем темными, а скулы начали выступать, как никогда в жизни. И еще пальцы теперь болели. Болели так, что он не мог заснуть по ночам. Садился на кровати, смотрел в одну точку долго-долго. А потом все-таки вставал и шел пить какие-то таблетки и валерьянку. Через час-полтора боль немного отпускала, и он засыпал.

А вокруг мир продолжал сходить с ума, и то, что раньше казалось невозможным, происходило с утра до вечера. Одно, другое, третье. Это было так страшно, что, выглянув в этот большой мир, я тут же пряталась обратно в свой, крошечный. В нем тоже жила и пульсировала боль, но она была понятной, а не той чудовищной неизвестностью, которая, казалось, неумолимо наползала на город, чтобы накрыть его целиком и превратить во что-то склизкое, темное и бес-

форменное. А потом прогнать через свои внутренности и не оставить ничего прежнего.

Мир сходил с ума, захлебывался новостями, менял правила жизни и документы, без которых нельзя было отойти от дома. А мы пытались не сойти с ума дома, запертые по доброй воле в одной квартире.

На исходе месяца такой жизни я как будто проснулась и поняла, что единственный человек, оставшийся в моей жизни, стал мне совсем близок. Но стал ненадолго, а сейчас из-за своей давней боли начинает отдаляться. Он ищет выход и, если этот выход окажется далеко от меня, он уйдет. Потому что для меня самым главным в жизни сейчас был он, а для него – не я, а все та же музыка, которой он заболел еще в раннем детстве. Музыка как крест, музыка как вечный зов, музыка как благословение и проклятье.

Впрочем, он вспоминал и про меня. Иногда по вечерам мы сидели у телевизора, почти как семейная пара, смотрели какой-нибудь старый фильм, пили чай, и Рихтер рассказывал мне истории о разном. Он знал очень много историй. Смешных, грустных, фантастически-прекрасных и страшных до одури. С ним никогда не было скучно. Даже если он закрылся в комнате, и я опять слышала его музыку, это никак не казалось скучным. Мне хотелось то метаться, то плакать, то вбежать к нему в комнату и говорить, что он все равно самый лучший человек на земле. Даже если его музыка звучит как сейчас. Потому что она и так прекрасна, а те, кто утверждает

обратное, ничего не понимают. Или идиоты. Или завидуют.

Но я понимала, что, если зайду к нему в тот момент, он уйдет и никогда больше не вернется. Он решит, что я говорю все это от жалости, а ничего подобного Рихтер терпеть не станет.

И я сидела под дверью, не в силах ни открыть книжку, ни пойти на кухню и заняться какими-нибудь простыми женскими делами. Сидела, пока звуки пианино не умолкали.

Тогда я быстро вставала и убегала куда-нибудь в самый дальний угол квартиры, чтобы Рихтер не знал, что я его слушала. И как слушала.

Но он не только мучил себя, он ухитрялся не дать скатиться в депрессию мне. Захлопнув дверь в комнату с пианино, он становился обычным, остроумным, добрым – в общем, тем самым Рихтером, которого я знала по школе и в которого однажды влюбилась. Он помогал мне решать почти все бытовые проблемы, легко соглашался сходить в магазин или поменять лампочки на горевшие поярче.

Он даже иногда сочинял сказки. Мне и себе. Не знаю, кому они были нужны сильнее. Думаю, что обоим одинаково. Рихтер рассказывал, что однажды его пальцы начнут сгибаться и разгибаться, как в детстве, и он сможет играть все, что захочет. И когда-нибудь на его концерт соберется полный зал. А я буду сидеть в десятом ряду и улыбаться уголками губ, чтобы никто не догадался, что я его жена. Но все будут знать и потихоньку на меня оглядываться, потому что

это же очень интересно – посмотреть, какая женщина полюбила его. Полюбила еще совсем юного, когда он толком даже не мог играть.

Еще он рассказывал мне сказки про меня. Как однажды я напишу книгу. Про любовь, конечно. Я же все время что-то пишу. То сообщения ему в мессенджер, то дневник, то блог в соцсети. Так вот, я напишу роман, но там будет не только про любовь. А еще про страшное, которое однажды навалилось на город и чуть не задушило его. Но все закончилось хорошо. Не для страшного, для города. И мой роман непременно опубликуют огромным тиражом и... Вот тут я начала смеяться и продолжать, что выкупать этот тираж придется... Но он не давал мне договорить. И мы целовались. Просто сидели на диване и целовались. А потом я касалась легко-легко его пальцев и уже долго-долго не убирала руку, жалея только об одном: что не могу передать свою силу и гибкость ему. Я бы пережила. Мне на клавиатуре можно набирать что угодно и одной рукой. Это же не пианино.

Я знала, что люблю его, люблю как-то уж совсем невозможно, и что это еще обернется для меня то ли самым огромным счастьем, то ли самым чудовищным горем. Второе, хоть пока ничто этого не предвещало, мне казалось, случится скорее, чем первое. И я не слишком сильно ошиблась. Если только с местом и со временем.

Глава четвертая.

Покинуть территорию

– Ничего не будет, – сказала я. – Ничего не будет, если я не увижу его еще месяц. Или полгода. Или год.

Голос прозвучал странно, как будто и не мой. Тоненький он был, почти звенящий. А я с детства разговаривала басом. Ну ладно, не басом, но не пищала никогда. Только вот сейчас.

Наверное, потому что все менялось. Менялось с головокружительной скоростью. Каждый час, каждую минуту.

Я подошла к зеркалу и увидела, что лицо тоже изменилось. Оно стало бледнее, глаза потемнели, губы распухли. А нечего было кусать и думать, о чем не надо.

Но думать, о чем надо, у меня не получалось уже очень давно. Неделю. Или две. Я точно не помнила.

В последнее время дни слились в сплошную муть и мглу, и я с трудом вспоминала, что случилось вчера, что позавчера, а что в прошлую пятницу. Да это было и не важно, на самом-то деле.

Я открыла окно, посмотрела на голубей, ковылявших по газону, на соседа с грязно-белой собачкой. Как будто все осталось по-прежнему.

Все осталось по-прежнему, только мы оказались на разных планетах. Мы – это я и человек, без которого весь мой

придуманый мир тускнел и рушился. А может, вовсе и не придуманный, а единственно настоящий.

Как смешно – Рихтер никогда не верил, что я его люблю. Он находил какие-то логичные объяснения тому, что я делаю. Находил и сам верил в них. Он даже почти придумал меня, но такую, что я сама себя не узнала. Я бы и о том, что придумал, не узнала, если бы он случайно не проболтался. Или не случайно. Может, ему стало интересно, что я скажу. А мне было нечего сказать. Я растерялась так, что забыла обо всем на свете. Забыла обо всем на свете и почти разучилась говорить.

Но теперь мы оказались на разных планетах. Или на разных материках. Или на противоположных сторонах жизни. Я точно не знала. И не понимала – зачем. Видимо, чтобы жили, как все, а не выдумывали какие-то чудеса.

Собственно, в последнее время чудес хватало и без нас. Их так густо раскидало вокруг, что от самой обычности почти ничего не осталось. Разве что газон под окном. Разве что сосед с грязно-белым пуделем.

– Поцелуй меня, – сказала я. – Поцелуй меня, потому что я боюсь.

Рихтер не ответил. Не ответил и не поцеловал. Он смотрел с фотографии странными, почти незнакомыми глазами, и от этого взгляда мне становилось страшнее и страшнее. В его лице не было ни тени улыбки. В его лице не осталось ни капли света. Ничего в нем не осталось, кроме отчаяния.

Если бы я просила не фотографию, он бы, конечно, отозвался. Он всегда отвечал на все вопросы. И никогда не делал вид, что не слышит, как я о чем-то прошу. Но сейчас он не мог ни ответить, ни поцеловать – ничего. Только смотреть с фотографии почти незнакомыми глазами, из которых лилось отчаяние.

* * *

– А если я скажу тебе, чего хочу на самом деле?

Рихтер пожал плечами. У него смеялись глаза, смеялись губы, все лицо смеялось. А я сделала вид, что сейчас обижусь.

– Ну ладно, не скажу. И ты так никогда и не узнаешь. Вообще, никогда, честно.

И вот это было уже действительно честно, потому что я точно никогда бы ему не рассказала правду. Я ее и сама боялась. Пусть бы все происходило без слов. И пусть бы наминало когда-то дувший между соснами морской ветер. Или солнечные лучи, раскалившие влажный песок так, что на него больно было наступать босыми ногами. Или чтобы летело как волна, накрывающая мир от горизонта до горизонта.

Но так могло быть когда-то, пока он был рядом.

Может быть, когда-нибудь так и будет. Если мир снова перевернется с головы на ноги. Но чем больше проходило вре-

мени, тем меньше я верила в это.

Опять почему-то захотелось реветь. Я подошла к его фотографии, посмотрела привычно. Он как будто спрашивал.

– Я не устала, – ответила я. – И у меня полно еще сил. Просто если бы ты мне хоть раз сказал... (тут я поняла, что так говорить нечестно и поправилась), если бы ты мне сейчас сказал, что любишь. Понимаешь? Словами сказал бы, самыми простыми словами, чтобы даже я поняла и не искала никаких подтекстов. Тогда мне было бы легче. Но если нет, ничего, я и так смогу.

Он смотрел с фотографии – все тот же и совсем чужой. Человек, которого я любила. Человек, рядом с которым мне было плевать на все условности, приличия, возможности и невозможности. Человек, который придумал меня, и человек, которого придумала я.

– Я пошла, – шепнула я, потому что голос пропал.

Он не ответил. Я подумала, что забирать фотографию с собой не буду. Пусть она меня ждет здесь. Пусть как будто он меня ждет здесь.

Я надела плащ, влезла в сапоги и минуты три примерялась перед зеркалом: с зонтиком идти, или так. Зонт-трость мог спасти от собаки. Или от соседа, спившегося до мании преследования. Правда, может, и от мании преследования – точно я бы не сказала. Сейчас ничего нельзя было сказать точно, а особенно о том, нормален человек или уже свихнулся и ловит новую, слышимую только ему одному волну.

Про себя я тоже этого не знала и могла только надеяться.

Отбиться от кого-нибудь зонт-трость, может, и помог бы, а вот спастись от дождя – нет. Не те нынче шли дожди, совсем не те. От них не спасали ни зонты, ни плащи, ни склеенные из полиэтилена домики-на-одного, которыми когда-то накрывались на реке местные рыболовы. Впрочем, приезжие накрывались тоже. Это было удобно, дешево и сердито. К тому же полиэтиленовые домики легко помещались в любой рюкзак пешего туриста, а не только в багажник автомобиля. И их не мог промочить насквозь ни один ливень. Тогдашний ливень.

Теперь все изменилось. Изменилось непонятно и страшно. И клееных домиков-на-одного почти не осталось. Если домик не может спасти, зачем его клеить?

В общем, зонт я не взяла. Зато капюшон надвинула так, что мир показался далеким и узким, как из щели.

У первого кордона меня остановили, но я не испугалась. На первом кордоне все было почти как в городе.

– Вы слышали прогноз? – спросил у меня лейтенант в блестящей черной форме, с противогоазом на спине.

– Слышала, – кивнула я и попыталась спокойно улыбнуться из-под капюшона.

– Суицидница, что ли? – проворчал он.

Беззлобно, почти равнодушно.

– Нет, что вы, – возмутилась я. – Это не мой профиль.

– Да не останется у тебя с таким прогнозом никакого про-

филя. Косточек не найдут.

С этим спорить было трудно. Не найдут, да и искать скорее всего не будут. Это первых искали, лихорадочно и долго. Вторых искали, методично и безнадежно. Третьих тоже еще искали, как-то. А теперь – какой смысл?

– Обойдется, – сказала я.

Как будто успокоила. Как будто ему было нужно, чтобы я его успокаивала.

– Ну, вам жить, – вздохнул он.

И вернул мне пропуск.

– Именно, – оптимистично согласилась я.

На втором кордоне светских бесед уже не вели. Пропуск нужно было засунуть в щель и несколько бесконечных минут топтаться под стеной. Топтаться и ждать: то ли пропустят дальше, то ли вернут назад. Впрочем, рассказывали, что есть и третий вариант – самый поганый.

Майка с третьего этажа говорила, что ее Сенечку прихватили на втором кордоне и что-то там заподозрили. Не то в пропуске, не то в лице. Пропуск порезали в лоскуты, лицо – не то, чтоб, но неделю он из дома не выходил, даже в капюшоне.

Я подумала, что, если бы на месте Сенечки был тот, из-за кого я плюнула сейчас на все прогнозы, я бы три раза умерла, но один из этих раз был бы от счастья. Потому что Сенечка остался дома, с Майкой. И пропуск себе новый выправил, и лицо пришло в норму.

Над щелью что-то загудело, мигнула красная лампочка. Сердце дернулось и облилось теплой болью. Красная – «стоп», мы же все это знаем, с самого детства.

Но пропуск выполз из щели вполне целенький, со свежим штампом.

Я схватила его, чуть не промахнувшись, потому что руку свело нервной судорогой и пальцы плохо слушались.

Впереди был третий кордон, а дальше – дальше я не знала. Ни пути, ни прогноза.

* * *

Месяц назад это оказалось странно и больно. Не то, чтоб нестерпимо, но слезы были уже где-то близко.

А ведь я только проснулась. Только проснулась и уже чувствовала, что мышцы ноют, как будто по ним проехал велосипед. Не слишком тяжелый, но и не игрушечный. В голове было пусто и гулко, в ушах шуршала вата, рот пересох так, что не хотелось открывать.

– Ничего, – прошептала я себе.

Рот, кстати, открылся, только губы чуть-чуть занемели.

Я встала, снова помянула недобрым словом велосипед, которого не было, и поплелась на кухню.

На кухне ждал чайник. Пластмассовый, серенький, но вполне рабочий.

Я налила воды до красной черты и, с трудом удерживая

новую тяжесть, доползла до подставки с розеткой. Опустила чайник на подставку, нажала на рычажок. Чайник зажег синий глаз и тихонько зашипел.

Это было хорошо и правильно. Привычно.

А потом я сделала шаг назад и плюхнулась на табуретку. И вот это уже оказалось плохой идеей.

Табуретка отшатнулась от меня, как от чумной. Нет, ну просто стояла, наверное, криво, а тут еще я.

Но я не упала, и она не упала. Мы вписались в нишу около стола и отделались легким испугом. И вот тогда я все-таки села.

Сидеть было не больнее, чем стоять, хотя, казалось бы.

Больше всего мне не хотелось думать. Ни о чем, кроме чайника, заварки в шкафу и, может, пары кусков сахара, если нашлись бы в сахарнице. И все.

Потому что мысли сразу же возвращались к Рихтеру и к тому, что он знал, как мне будет плохо. Знал, но его это не остановило.

– Это больно, – сказал он спокойным голосом, – Это больно, но не смертельно. Ты выдержишь.

Мне уже тогда хотелось заорать, почему он решает за меня, выдержи я или сдохну, и надо мне оно, в принципе, или нет. Но он уже решил, а у меня никогда не хватало храбрости с ним спорить. Правда, раньше он ни разу не делал мне больно. По крайней мере, настолько.

– Ты потерпишь, – продолжил он. – Это недолго. Надеюсь,

что октовакцина тебе не понадобится, но на всякий случай пусть будет. Чтоб легче было потом.

— Кому? — не выдержала я.

— Тебе, — объяснил он тихо.

— Потом — это когда?

— Когда меня не будет.

И вот тут я как будто рухнула с горы в пропасть.

Так вот он о чем. Так вот, что он решил. Сам.

Без меня. Как всегда.

* * *

С тех пор прошла почти неделя, и я чувствовала себя нормальным человеком. Ничего не болело. Ну если только сердце, но точно по другой причине. Да и не сердце это было, а скорее — душа. Душно ей было и муторно, вот и пыталась сорваться во все тяжкие.

И все было бы хорошо, но он уже ушел. Ушел и не вернулся. Все случилось так, как он и предупреждал, но я не верила. Я не могла поверить, что вот сейчас человек рядом со мной, у него бьется сердце, его глаза смотрят так, что у меня переворачивается все внутри и становится то жарко, то морозно, и нестерпимо хочется обнять его и не отпускать никуда. Вообще, ни на шаг. Так вот. Сейчас он рядом, а через несколько часов окажется неизвестно где, откуда не сможет ни написать, ни позвонить, ни даже присниться. И из-за че-

го? Из-за чего, объясните вы мне, дуре? Из-за вот этих ваших сбывшихся прогнозов? Или из-за того, что любимый и единственный на свете близкий тебе человек вычитал в сети какую-то чушь, из-за которой ходил последние дни с безумными глазами?

В общем, я не верила, но он оказался прав. Как всегда, прав.

Дни без него слились в удушливо-кислое марево, из которого хотелось вынырнуть хоть на миг, чтобы вдохнуть кислорода. Или увидеть отчетливую линию горизонта. Или прикоснуться лбом к чему-нибудь твердому и холодному, чтобы не так жгло изнутри. Но ничего не получалось. Я бродила из комнаты в кухню и обратно, смотрела в окно на соседа с пуделем и медленно сходила с ума. Или, наоборот, быстро. Кто его знает, какие в этом деле скорости приняты.

А однажды я поняла, что все. Хватит. Я не могу здесь оставаться.

Ночью мне как обычно ничего не снилось. Да я и уснуть-то особо не могла. Лежала и вспоминала, когда мне было с ним лучше всего.

* * *

– Раздевайтесь, – сказали мне.

Я начала послушно расстегивать пуговицы плаща. Наверное, этого будет достаточно? Под плащом у меня рубашка с

коротким рукавом, а значит, кожа на руках видна до локтей. Куда им больше?

– Нет, вы не поняли. Рубашку тоже.

Я почувствовала, что начинаю звереть. Зачем им моя рубашка? Если я разденусь окончательно, им станет легче? Никогда и никто не рассказывал, что для осмотра не хватило кожи рук или в крайнем случае ног до колена.

– Это не по правилам, – прошептала я. Возражать было страшно, но снимать одежду еще страшнее.

– Правила изменились. Еще один комментарий, и я выпишу штраф. Или вызову охрану.

– К-кого? – заикаясь, переспросила я.

Ответа не последовало. В комнате раздался звук зуммера и через мгновение на пороге появился кто-то в сером балахоне. Может быть даже человек, но точно – палач.

– Итак, – продолжил тот, кто начал этот разговор, став совсем скучным, – вы выбираете стандартный осмотр, штраф, заменяемый общественными работами, или...

Про «или» я дослушивать не стала.

«Или» было явно в компетенции палача, а всего моего природного мазохизма не хватило бы на одно его прикосновение.

– Стандартный осмотр, – ответила я.

Это был единственный ответ, который физически ничем мне не грозил.

– Раздевайтесь, – повторил голос.

Я расстегнула рубашку.

– Достаточно, – остановили меня. – Октовакцина сделана.

Кожные покровы чистые. Одевайтесь, получайте пропуск.

Голос даже как будто стал похож на человеческий.

– Но вы должны покинуть территорию не позже двадцати ноль-ноль. Понимаете?

Я кивнула. Двадцать ноль-ноль – это вечер. Поздний вечер, когда темнота заливает все и становится густой и вязкой. Это вам не сумерки, не легкий вечерний полумрак. Это всерьез.

Часть 2. Вик и Нора

Глава первая. На берегу Илга

Вик знал, что, если пройти незамеченным мимо патрулей, все станет гораздо проще. И он проходил – раз, другой, третий. Проходил, проползал по траве. Один раз даже проехал на лыжах, но это оказалось неудобно, и лыжи выбрасывать потом было жалко. Но Вик выбросил. Вернее, прикопал в трухе у самого спуска к реке. Река не замерзла. Вик подозревал, что в этом мире вода вообще не способна замерзать. Он никогда не видел ни льда, ни снега. Только сероватую, пахнущую тиной и чем-то еще, резким и незнакомым, воду.

Чтобы пройти мимо патрулей, нужно было готовиться. И Вик готовился. Привычно, тщательно, каждый раз придумывая новые усовершенствования экипировки. В этот раз не придумал. В этот раз он слишком долго думал над тем, что будет делать, когда окажется на берегу Илга. Он сразу поверил Старику, что папоротник на берегу расцветет и расцветет именно в ту ночь. Во-первых, Старик никогда не врал и не выдумывал. Во-вторых, легенда о цветущем папоротнике была настолько живучей, что переходила границы пространств и веков. Вик читал ее еще в прошлой жизни, когда был счастливым обладателем нового ноутбука и комнаты в

родительской квартире, а не непонятно кем, как сейчас.

Идти на берег Илга и в обычную ночь решались немногие. А уж в эту, особенную, когда цвело и оживало все, что только могло расцвести и ожить! Оно ведь цвело не просто невинными белыми лепестками, от которых пахло до одури. Запах напоминал аромат хмеля, но был гуще. Казалось, в нем можно повиснуть, как в паутине висят мухи, дожидаясь смерти. Запах вроде бы считался не смертельным. Но точно не знал никто. Одно дело – понюхать маленький цветок, надежно спрятанный в коробке, другое – оказаться в самой гуще гигантских растений. Цветущих. И живых. Или, вернее, возможно, что живых. Да – лишь на одну ночь в году, но разве ночи не хватит, чтобы тебя задушили в объятиях толстые стебли? Или прикрыли нос и рот огромные, пусть и резные, листья?

Зато за цветок папоротника можно было выменять бессрочный пропуск, чтобы переходить кордоны. Или палатку, которая не промокала под алым дождем. По крайней мере, несколько часов точно. Или билет в другой конец другого мира. Вик давно хотел съездить туда. Говорили, что там совсем другая жизнь и смерть другая. Нужно же было на все это посмотреть? Или так и бродить через кордоны, таская за собой то трусов, то лжецов, то доведенных до отчаяния родителей, у которых дети уже ушли, а они вот не успели. Вик утешал: ничего, теперь догоните. Все равно за последним кордоном время идет совсем иначе. Какая разница, при-

шли вы туда сейчас или год назад? Вы не знаете, а Вик знает. Нет никакой разницы.

В общем, ему до тошноты надоело бродить в одних и тех же кустах, обманывать или покупать молчание одних и тех же караульных. И ничего не ждать. И ни на что не надеяться. А ведь он был человеком, а не бесплатным приложением к программе «Проводник». Когда-то Вик писал смешные миниатюры и ему говорили, что он самый талантливый сатирик нового времени. И самый юный тоже.

Алые дожди начались, когда ему исполнилось семнадцать. Вик сразу понял, что это всерьез и надолго. Друзья смеялись и не верили. Говорили, что это очередная утка, байка, сказка, чтобы привлечь зрителей. Или чтобы отвлечь людей от каких-то серьезных проблем, которые вот-вот на них свалятся. Но алые дожди сами оказались проблемой, которая свалилась на горожан. Вернее, сваливалась каждый раз вместе с каплями воды, которые сначала казались прозрачными, но потом в лужах собирались по краям в толстые красные нитки.

У Вика пропали родители. Они были одними из первых. Их даже сначала искать не хотели. Сказали ему: что ты дергаешься, парень? Ну уехали на дачу, ну не вернулись в срок. Мало ли? Может, приболел кто? А что на звонки не отвечают, так сам знаешь, какая в области связь.

Вик знал, какая в области связь. Нормальная она была в их дачном поселке. Там же не только дачи стояли. Там и кот-

теджей настроили четыре улицы. А в коттеджах жили и зимой. И интернет был нужен, и мобильная связь не хуже, чем в городе. Вот она там и была. К тому же, у мамы всегда в сумке хранился планшет. На всякий случай. Вик звонил на номер симки из планшета – и ничего. Никаких гудков. Аппарат абонента вне зоны действия сети.

Вик не считал себя смелым. Он в глубине души не сомневался, что трус. И у него даже были причины так думать. Но трусость трусостью, а родители... Это же самые главные люди в его жизни. Он никому не признавался, засмеяли бы, но до сих пор ему трудно засыпалось, когда они куда-нибудь уезжали. На ту же дачу без него.

В общем, выхода у него не было. Он собрался, как мог, и поехал на вокзал. Тогда еще не построили ни кордонов, ничего. Алые дожди только начались, и никто толком не понимал, что это такое.

Вик сел в электричку, и вдруг до него дошло, что в вагоне только он и мужик в темно-зеленом прорезиненном плаще. И никого больше. Вик поежился. Хорошо, что мужик сидел к нему спиной. Так спокойнее. Через три остановки у хозяина плаща зазвонил мобильник. Странненько так, как сирена, не то пожарная, не то автомобильная.

Вик не хотел подслушивать, но мужик говорил громко, попробуй не услышь.

– Нормально все, – басил он хрипло. – Не бойсь, не замочит. У меня химзащита и бахилы до колен.

Какая химзащита? Какие бахилы? Вик сперва подумал, что мужик или не в себе, или нанюхался тараканьей отравы. В городе как-то дико расплодились тараканы, и все их травили, чем могли. Некоторые травились сами раньше тараканов.

Но послушав разговор еще пару минут, Вик понял, что все с дядькой в порядке. А химзащита – это его плащ. Вик подумал, что ему бы плащ тоже не повредил, и сразу вспомнил, что у отца на дачном чердаке валялся скрученный в рулон почти такой же, как у мужика. И сапоги-бахилы для рыбной ловли стояли в сарае. Но это они в нормальное время предназначались для рыбалки, а во времена алых дождей вполне могли пригодиться просто, чтобы ходить.

Родителей на даче не было. Вик сразу увидел, что в эти выходные они туда даже не доехали. Он пару раз сухо всхлипнул, наткнувшись то на мамины тапки, то на отцовские очки на подоконнике. А потом вышел в сад и там уже чуть не завыл по-настоящему. Под старой яблоней стояла сумка, мамина сумка, с которой она никогда не расставалась на улице. Потому что там был паспорт. И кошелек. И планшет с начатой работой. Мама в последние годы набирала рабочие тексты в планшете и все радовалась, что теперь это можно делать, где угодно. Вон, хоть под яблоней.

Вик залез в мамину сумку. Сроду он ее не открывал. А тут залез и обнаружил, что все на месте. Кошелек, карточки, паспорт, планшет. И даже газета с кроссвордами, которые мама с папой обычно решали в электричке. В этот раз,

правда, кроссворды попались трудные. Вик увидел, что в газете написано всего пять слов на одной страничке – и все. А может, дело было не в сложности кроссвордов? Может, родителям почему-то стало не до них? Но почему? И все-таки до участка они доехали, раз сумка нашлась. А вот в дом уже не вошли.

Сосед Старик подошел к Вику со спины, и тот чуть не завизжал от страха. Старик и раньше-то выглядел не очень, а сейчас лицо у него покрылось какой-то почти черной сеткой и глаза налились кровью. Нелюдь и нелюдь.

– Чего ты, Витюнь? – просипел Старик. – Не узнал, что ли?

– Узнал, – кивнул Вик.

И подумал, что сейчас бы рвануть в дом, а не разговоры разговаривать. Он увидел зажатый в руке Старика топор, а по острой кромке лезвия расплывающуюся алую кайму. Старик проследил за взглядом Вика и усмехнулся понимающе.

– Я теперь без топора не хожу, – объяснил сосед. – И тебе не советую. И вообще. Мал ты еще, езжай домой. Как первая электричка придет, так и езжай. Я твоим мамане с папаней сразу сказал – нечего тут молодым. Нам, старичью, уже все одно. А у молодых жизнь. А они не послушались. Ты хоть слушай!

Вик постарался хотя бы казаться спокойным.

– А почему молодым надо уходить? – спросил он.

– Потому что пришли дожди, которые смывают всё. И

всех.

Глаза у Старика стали прозрачными и безумными. Он посмотрел на Вика, подавился воздухом и начал тяжело кашлять. С каждым новым звуком Вика казалось, что сейчас из Старика вылетят внутренности. Но они не вылетели. Видно, Вика тоже начал заражаться безумием.

– Вам, наверное, к врачу бы нужно, – сказал он, чтобы разбавить то невыносимое, что окутало их обоих.

Это была нормальная фраза нормальных людей.

Старик махнул рукой и вдруг перестал кашлять. Будто отмахнулся от приступа, и тот послушно отступил.

– Какой врач, Витюнь? Какой теперь врач? Теперь от дома не отойду. А если отойду метров на сто, то в химзащите и с топором.

Далась им всем эта химзащита!

– И ты надень, – велел Старик, сгорбившись. – У твоего бати есть, я сам доставал ему. Для рыбалки. А теперь какая рыбалка? Теперь все пригодится строго по назначению.

– Это кислотный дождь, что ли? – осторожно предположил Вика, собрав в голове все воспоминания о дождях из постапа, о которых читал или смотрел кино.

– Не кислотный. Алый. Смывает всех, кто под него попал, – коротко объяснил сосед. – Кто другой начнет сказки рассказывать – не верь. Я – очевидец. Я своими собственными глазами видел. Прости, Витюнь. Их смыло, а я даже с крыльца не посмел сойти. Прости!

Старик сморщился и полез за огромным носовым платком.

– Как смыло?! – взвыл Вик. – Это ж не цунами!

– Если бы сам не видел, тоже бы решил, что...

Старик не договорил и вдруг посмотрел на небо.

– В дом! – заорал он внезапно сильным голосом. – В дом!

* * *

Вик лежал под одеялом и думал, что зря он послушался Старика. Не пошел бы в дом, понял бы на собственной шкуре, что это за алый дождь. А то только и увидел с крыльца, как толстые струи рвали воздух, а потом растекались по земле темными лужами. Лужи как лужи, только по краю каждой тянулась толстая красная не то тина, не то нитка, не то еще какая хрень. Ну и двух воробьев, забившихся в глубь куста, смыло без следа – это Вик тоже рассмотрел. И это было не просто странно, это казалось бредом. Вот сидят птички на ветке, а вот уже растворяются в струях дождя, как в кислоте.

Старик ушел, как дождь закончился, так и ушел. Велел найти плащ-химзащиту и завтра же сваливать в город. Лучше – на первой электричке.

Вик не мог представить, как он уедет, если никого не нашел. Это казалось еще большим бредом, чем история с воробьями. Бредом или плохо написанной статьей в желтой газетенке. То есть, он не думал, что бывают хорошо написан-

ные статьи в желтой прессе. Но все-таки были уж совсем такие, что хотелось на первых же строчках закрыть глаза или перевернуть страницу.

Он ведь сперва метался по крыльцу, пока шел дождь. Хотел на самом деле выскочить, чтобы проверить, что это за струи, которые смывают всех и все, не прикрытое «химзащитой», но Старик схватил его за воротник. Схватил так крепко, что Вик чуть не свалился, а потом чуть не оторвал воротник. Нитки затрещали.

– Стой, дурак! – бормотал Старик. – Стой, не дергайся! Еще тебе не хватало... смыться.

Сначала он бормотал такую вот чушь слабым старческим голосом, но через пару минут голос налился силой, как колодец темной водой, и слова уже звучали совсем другие. Вик не смог бы их пересказать, но суть теперь жила в его мозгу огненной нитью. Нельзя погибать ни за что. Нельзя делать опрометчивые шаги за край, а хоть и по краю. Нельзя позволять панике выносить себя из реальности в гнилую трясину безумия. Нужно осторожно, проверяя все и вся, пройти путь от незнания абсолютного к знанию. Пусть не полному, но достаточному, чтобы если не вернуть тех, кто исчез, то хотя бы не допустить новых исчезновений. И остаться живым самому. Это самое главное, сказал ему Старик. Если ты растворишься, получится, что родители жили зря.

Вик лежал на кровати и думал, думал, думал. Сперва в голову лезли странные мысли о странных существах, кото-

рые, наверное, поселились над облаками и cedят теперь на них свое смертельное для людей алое молоко. Потом начал наваливаться сон. Тяжелый, душный, но ненадежный, срывающийся от каждого шороха. А потом Вик вспомнил Нору. И его почти отпустило.

У Норы была горячая шея и теплые пальцы. Она касалась его щеки губами, тоже, кстати, горячими, и на коже как будто загорались крохотные костры. Нора никого не стеснялась. Ну, вернее, когда была рядом с ним, никого не стеснялась и целовала его при всех. А потом коснулась пальцами подбородка и шеи и вдруг замерла, словно не знала, что делать дальше. Вообще-то, и он, Вик, не знал, что можно сделать на глазах у толпы знакомых с девчонкой, которую не видел два года, но о которой думал при каждой возможности. Он уже не боялся, что она изменилась, и ему будет все равно. Он уже не верил, что судьба разведет их в разные стороны, будто не сводила. Не может такого быть, если людей тянет к друг другу с безумной силой.

Он обнял Нору и прижал к себе до боли. Она опустила голову и теперь касалась лбом его плеча. Зато всего, почти всего остального касалось ее тело. И это было чем-то абсолютно новым и, кажется, счастьем.

Вик уснул. Все-таки уснул, и ему снилась Нора. Как будто она была здесь, на даче. И словно им больше ничего не мешало оставаться вдвоем столько, сколько хочется. Во сне она была еще красивее, чем в жизни. И Вик не сомневался,

что она его любит. Любит по-настоящему, до капельки, до ниточки, до выдоха и вдоха. И он ее тоже любил. И прикасался и к ее одежде, и к ней осторожно-осторожно. Как будто иначе они бы разбились или исчезли как утренняя дымка над рекой.

Но чем прекраснее был сон, тем большее оказалось пробуждение. В прямом смысле большее. От неудобной позы, в которую он зачем-то упаковал себя. У Вика ныли плечи и бедра, а в голове будто стучал запущенный кем-то метроном. И, конечно, рядом не было Норы. И он, как назло, в ту же секунду вспомнил, что ее больше вообще не было. По крайней мере, в его жизни.

Он разрыдался. Прямо там, на кровати. Кажется, до этого в последний раз он плакал в третьем классе, когда ветеринару не удалось спасти подобранного Виком на дороге котенка. Ветеринар честно предупредил, что у котенка чумка и что его не спасти. А Вик все уговаривал попытаться и совал смятые деньги. Ветеринар пытался. Но у него не получилось. На глазах у Вика котенка начали бить судороги, а потом Вик увидел, как с черно-белой шкурки сползла единственная, наверное, оставшаяся у котенка блоха. На мертвых блохи не живут.

Он все решил, когда утро разбавило ночь и темнота показалась жидким синеватым чаем. Это было твердое решение. Может, странное. Может, таившее в себе миллионы опасностей, понятных и непонятных пока еще. Но оно было приня-

то, и Вику стало легче.

Небо оказалось чистым, холодным и очень высоким. Вик собрался быстро, стараясь не смотреть на родительские вещи. Потому что как только взгляд падал на отцовскую куртку или мамин халат, Вик чувствовал в горле такой комок, что хоть вой. Плащ-химзащиту на чердаке он все-таки нашел, хоть сначала думал, не получится. И отцовские высокие сапоги для рыбалки нашел тоже. Надевать сейчас не стал, упаковал в пакет, а пакет – в большой туристический рюкзак. Хорошо, что у отца все это было. И газовый баллончик, и плитка, и металлический термос, и еще множество походных мелочей.

Вик, стиснув зубы, отсортировал то, что могло пригодиться в первую очередь, и тоже сложил в рюкзак. Остальное оставил на даче в столе, до лучших времен. Или до лучших людей, которые сюда явятся вместо него. Вик вовсе не был уверен, что он вернется. Зачем ему дача? Выть от тоски?

Ему и городская-то квартира была теперь не слишком нужна. Он знал, что придет туда один раз – точно. А насчет остальных очень сомневался.

* * *

На берегу Илга все было неправильно. Трава росла выше деревьев, а деревья торчали карликовыми кронами, упираясь в соседние. И никому не хватало места. Вода бежала, се-

рая, мутная, будто разбавленная грязью и молоком. Вик подумал, что если свалится, то уже не выплывет. Значит, нужно крепче держаться за ветки и стебли и не подходить к обрыву. Ничего, папоротников полно и не на обрыве. Они предпочитают сырые низины, а не песок и высоту.

Вик продирался через кусты и траву, не чувствуя, что под ногами. Кажется, трава и грязь. В одном особенно топком месте грязь обхватила левый сапог как щупальца невидимого чудища, а Вик, не успев ничего понять, вытащил босую ногу и босой же ступней уперся в переплетенные стебли. Боль обожгла.словно он встал на тлеющий алым уголь. Сначала она коснулась кожи, потом за мгновение проникла вглубь и расползлась по ноге чудовищными витыми стержнями. Вик застонал и чуть не упал. Хорошо, что держался за ветки. Хорошо, что был готов ко всему.

Он знал, что пользоваться фонарем на берегу Илга опасно, особенно в эту ночь. Но все-таки вытащил из кармана тонкую металлическую трубку и передвинул рычажок. Там, где минуту назад стояла босая нога, извивалась черная гадина. Вик точно не знал, насколько она ядовита. Видимо, не как кобра. Иначе он бы уже не смотрел ни на гадину, ни на укус на ноге. Но, может быть, ему оставалось не так уж долго на все это смотреть. Яд замедленного действия – тоже та еще дрянь.

Вик вытащил пузырек с универсальным противоядием, зубами стянул пробку и сделал большой глоток. Горечь раз-

лилась во рту, но это была знакомая горечь. Нужная сейчас больше всего на свете.

Легче стало через несколько секунд. Боль в ноге превратилась в тонкие подергивающие нити, которые увидеть было невозможно, а вот почувствовать – запросто. Страх тоже куда-то ушел. Вернее, Вик только сейчас почувствовал, до какой степени его скрутил этот страх еще пару минут назад, а теперь и дышать, и шевелиться было почти легко.

Гадину он убил. Мог бы не убивать, но подумал, что встретиться с ней еще раз сегодня – выше его сил. Конечно, их могло быть на берегу много, но Вик слышал, что выползают и нападают на людей только самые голодные, спятившие от долгой бескормицы, а их единицы.

После у него тряслись руки и не хотелось уже ничего: ни цветущего папоротника, ни возвращаться к кордонам. Но он посидел на какой-то коряге, предварительно обстучав ее палкой, чтоб никто не выполз втихаря, руки перестали дрожать, мысли в голове больше не плясали, и глаза привыкли к странноватому освещению пасмурного весеннего дня.

Сапог Вик вытащил и снова смог идти по-человечески. Только теперь смотрел внимательнее под ноги и наступал на сплетения стеблей осторожнее. Он прошел метров двести, когда увидел сияющий на высоте его роста белый огонь.

Не очень-то и большой шар, может, сантиметров пять в диаметре, переливался так, что заломило глаза. Вик подошел совсем близко, осмотрел листья и понял – да, это папорот-

ник. Тот самый, цветущий в одну-единственную ночь на берегу Илга.

Вик вытащил из рюкзака металлическую коробку, надел рукавицы и тихо, но отчетливо произнес стишок-оберег:

– Илг, храни меня от бед,
Я – не завтрак, не обед
Тем, кто бродит по лугам,
По лесам и берегам.
Я – не маг и не колдун,
Не несу тебе беду,
Память Илга берегу
Я на левом берегу.
И на правом сохраняю,
Верю ночи, верю дню.
Дай, прошу, чуть-чуть цветов.
Я – слуга твой, я готов.

Такие обереги продавали старушки на вокзалах и у кордона, вместе с семечками и бактерицидным пластырем. В них не очень-то верили, но других все равно не было.

Стишок сработал, потому что ветки с огоньками почти сразу наклонились к Вику, и он осторожно начал их собирать в коробку. Труднее всего было оторвать и положить первый цветок. Видимо, Вик еще не привык ни к запаху, ни к тому свету, который окутывал каждый из них, и они подействовали на него в полную силу. Во-первых, Вик будто ослеп на

несколько секунд. А потом увидел не берег Илга, а комнату. Длинную узкую комнату с желто-солнечными занавесками и компьютером на черном столе. Он никогда бы ни с чем не перепутал ее. Это была норина комната, норин компьютер и норины занавески. Однажды Вик стал там самым счастливым человеком в городе, а может и на Земле. О таких историях не забывают. Он подумал, что вот сейчас занавеска шевельнется, и из-за нее со смехом выбежит Нора и начнет рассказывать что-нибудь смешное, а потом затихнет и осторожно прижмется к нему. Вся прижмется, так, что он почувствует и ее руки, и плечи, и – в общем, все. И перестанет думать. Потому что, если рядом такая девушка, думать не хочется и не получается. Хочется заниматься совсем другим. Она опять будет прикасаться пальцами то к его руке, то к губам, то к подбородку. Однажды он с досадой сказал: «Ты любишь меня только руками». А она легко рассмеялась в ответ и ничего не сказала. Может, он правильно угадал?

Но сейчас Нора не вышла. Нора не вышла, а ее комната растворилась, как растворяется изображение на экране, если его выключить. И Вик снова увидел огромный папоротник, усыпанный белыми огнями-цветками, и один цветок уже горел в его коробке.

Вик подумал, что, если каждый цветок будет уносить в такие дали, его надолго не хватит. Он или сойдет с ума, или сядет прямо в грязь и расплачется. Может, зря он пошел за этими несчастными цветками? Ну и что, что им нет цены?

Вернее, есть, но столь высокая, что даже страшновато произносить вслух. Вдруг Вику тоже придется за них заплатить куда дороже, чем он в состоянии?

Ежась от страха, он все-таки сорвал второй цветок, но теперь его только накрыло волной сладко-горького аромата, а зрение не пропало, и никаких видений не возникло. С удивлением Вик почувствовал щемящую боль в сердце. Боль-сожаление, боль-тоску о несбыточном.

Остальные цветы рвались еще проще и скоро коробка наполнилась до верха. Вик подумал, что можно было бы прихватить с собой тару и побольше, и в тот же миг ощутил на плече чью-то тяжелую руку. Или лапу.

Он обернулся, не глядя закрывая коробку с цветами плотной крышкой, и подавился криком. На него смотрели желто-зеленые глаза зверя. Зверь стоял на задних лапах и напоминал то ли некрупного медведя, то ли большого волка. Вот только ни волки, ни медведи не кладут лапы на плечи и не усмеваются в лицо человеческими усмешками.

– Илг, храни меня от бед,

Я – не завтрак, не обед

Тем, кто бродит по лугам,

По лесам и берегам, – вспомнил Вик.

Он прочитал это четверостишие и собирался начать второе, но слова, как назло, застряли где-то в горле и не хотели оттуда вылетать.

Зверь выслушал начало стишка, повел носом, будто при-

нюхиваясь к новому человеку, подождал продолжения. Но не дождался и завыл. Он выл грозно и жалобно. Начиная с самых высоких нот и опускаясь все ниже.

Вик почувствовал, что еще чуть-чуть, и барабанные перепонки порвутся.

– Замолчи, – попросил он, понимая всю глупость того, что делает. – Замолчи, пожалуйста!

Зверь замолчал, посмотрел обиженно и вдруг совершенно человеческим движением ударил Вика в лицо. Вик не ожидал удара. Скорее, он ждал прыжка. Или зубов на горле.

Он пошатнулся, проглотил солоноватую слюну. Зубы ударились о губы и потекла кровь. Сейчас зверь почувствует запах крови и окончательно осатанеет, подумал Вик. И вдруг понял, что ему не страшно.

– Серый, кто там? – раздался тоненький голос из-за кустов.

– Вау, – ответил серый.

Вик тоже хотел что-нибудь ответить, но не успел. На берег вышла девчонка лет десяти. На ней были высокие сапоги, куртка и надвинутый почти на глаза платок.

– Привет! – сказал Вик.

Он подумал, что, может, перед ним девчонка, а может – древнее чудовище. Такая ночь на берегу Илга может подарить кому хочешь какое хочешь обличье. Главное, знать нужное заклинание. Это Вик знал всего одно. И то, похоже, не слишком действенное. А девчонка, наверное, знала

много. Особенно, если жила поблизости. Местные всегда все знают. Не то, что пришлые.

– Ты чего тут? – не слишком вежливо спросила девчонка в ответ.

– Я шел по берегу, а меня укусила змея, – честно рассказал Вик. – А потом я не умер, но меня поймал твой Серый.

– Серый тебя не ловил, – улыбнулась девчонка. – Если бы ловил, у тебя бы ребра треснули. Все.

– Ну я имел в виду, – начал оправдываться Вик, – что он положил мне лапу на плечо. И дальше я не смог идти.

– Конечно не смог, – кивнула девчонка. – Серый не любит, когда приходят чужаки.

– А кого-нибудь он любит? – невольно вырвалось у Вика. – Тебя, например?

– Меня? – задумалась девчонка. – Вряд ли. Ко мне он просто привык. Я его еще щенком нашла и выкормила.

– Ясно, – кивнул Вик. – Но я не щенок. И меня кормить не нужно. Можно я пойду?

Девчонка посмотрела на него пристально, и он понял, что ничего ей не десять лет. Двенадцать, а то и четырнадцать. Просто она роста маленького и фигуры никакой.

– А это как Серый решит, – сказала она. – Серый, отпустишь? Или заберем?

Глава вторая. Серый Шарик, огненный цветок

У Вика похолодела спина. Он смутно представил, зачем его может забрать Серый.

Серый мотнул головой и вдруг убрал лапу у Вика с плеча.

– Надо же, – удивилась девчонка. – Серый отпускает. Он еще никого не отпускал. Ну, иди. Я слово держу. Наверное, ты добрый. Или умный. Или просто хороший.

Вик осторожно отошел шагов на десять.

– Я не умный. И не добрый. Я просто знаю стишок-оберег.

– Научи, а? – попросила девчонка. – Мы не будем близко подходить. Ты просто научи и иди.

Вик пожал плечами:

– Ладно. Слушай.

Илг, храни меня от бед,
Я – не завтрак, не обед
Тем, кто бродит по лугам,
По лесам и берегам.
Я – не маг и не колдун,
Не несу тебе беду,
Память Илга берегу
Я на левом берегу.
И на правом сохраняю,
Верю ночи, верю дню.

Дай, прошу, чуть-чуть цветов.

Я – слуга твой, я готов.

Запомнила? Или еще прочитать?

– Серый запомнил, – объяснила девчонка. – Он все с первого раза запоминает. Хороший стишок. Спасибо тебе.

– Я думал, вам не нужно такое, – заметил Вик.

– Нам всякое нужно, – возразила девчонка. – Ладно, иди. А то привыкнем к тебе. А это незачем. Кстати, Серого зовут Шарик. Запомни. Если еще сюда придешь, назови его по имени. Он будет рад.

Вик кивнул, крепче вцепился в лямку рюкзака одной рукой и в коробку с цветками папоротника другой и пошел вдоль берега туда, откуда пришел. То ли полчаса назад, то ли в прошлом месяце. Время в мирах за кордонами шло в каждом по-своему и трудно было определить, как в этом.

Вик шел и спиной чувствовал, что его провожают. Хотелось прибавить шаг, но он знал, что это опасно. Опасно показывать, что боишься. Опасно носиться по неровной дороге, где и дороги как таковой нет, а между стеблями могут дремать ядовитые змеи и ящерицы. Или еще кто-нибудь, о чьем существовании Вик и не подозревал.

* * *

Дома он так и не привык к одиночеству.

Пришел, сбросил плащ на пол в прихожей, переобулся. И первым делом отправился везде включать свет. Пусть хоть свет горит. Так легче. Можно представить, что родители, как раньше, сидят в большой комнате и смотрят телевизор. Зайдешь – начнут ворчать, почему не спишь. Времени – полвторого ночи.

Времени было на самом деле половина второго ночи. Только до этого, как и до того, что Вик не спит, никому не было дела. Потому что никого не было.

Он залез в душ, смыл с себя все, что смог, сначала горячей водой, потом еле теплой. Подумал, что уже третью (вроде бы) неделю не ревет просто так, когда видит родительские вещи. Повзрослел. Или привык. Или просто смирился с тем, что бесполезно.

Это в детстве можно было реветь, в детстве слезы могли избавить от многого. От скандала. От наказания, которое заслужил. От нелюбимой еды.

Хотя нет. От наказания слезы особо не спасали. Просто так легче было терпеть.

Вик ненавидел себя плачущего, но иногда ничего не мог поделать. Слезы текли сами, прорываясь из самой глубины.

Чтобы не слишком долго рассуждать о слезах и не разреваться не ровен час, Вик включил ноутбук. Махровый халат с широкими рукавами слегка мешал привычным движениям, зато в нем было тепло и мягко, почти как под одеялом.

Программа загрузилась быстро, Вик зашел в свой аккаунт

и привычно начал набирать ночной пост. Он часто писал ночью о том, что с ним случилось днем. Ночью люди становятся куда более впечатлительными. И легче верят. И проще решаются на странные шаги. Например, отправиться за кордон с проводником. Вик уже знал, что среди проводников он лучший. И его подписчики знали. И еще много кто. Сперва это приятно щекотало самолюбие, потом стало все равно. Лишь бы платили. Лишь бы платили, читали, подписывались, ходили с ним через кордоны или заказывали что-нибудь с той стороны и снова платили. Иначе ему было не выжить.

Но они подписывались, читали и платили. И даже влюблялись. Когда ему в первый раз написала девчонка, что он самый храбрый и самый умелый из всех ее знакомых, он ошалел и рассмеялся. Но она не отставала и продолжала писать каждый вечер. Судя по фотографии, она была ничего себе, но он любил Нору. До сих пор любил. Правда, Нора его больше не любила. Она так и сказала ему: прости, это бывает. Сначала любишь-любишь, а потом раз – и уже нет. Вик сперва не поверил, но она перестала писать, и звонить перестала тоже. Он не любил, когда она звонила, потому что звонят обычно по делу, а поболтать пишут. Или это Вик сам придумал? Может, зря он сказал ей, что не нужно звонить? Или при ней переписывался с другими девчонками зря? Но неужели она не понимала, что это ничего не значит? Не дура же она?

Вик опять вспомнил, какими были ее руки, когда прика-

сались к нему, и вдруг разозлился. А вот пойдет сейчас и встретится с той, из сети. Что ему теперь, всю жизнь рыдать над разбитой любовью? Может, там и не было никакой любви! Может, Нора играла в него, как девчонки помладше играют в своих медведей и котов Басиков! Фиговый из него получился кот Басик, вот она и ушла.

Девчонка из сети встретиться согласилась сразу. Правда, сказала, что у нее есть парень, два метра ростом и красавец как какой-то актер, но этот ничего не меняет. Она встретится с Виком. В конце концов, она недавно приехала в их город, и у нее почти нет друзей.

Вик написал, что будет ждать ее завтра в шесть вечера в кафе «Бургер-шок» и быстро попрощался. «Бургер-шок» было хорошим кафе. Не слишком дорогим, но и не совсем дешевым. И там стояли удобные кресла. И можно было хоть обедать, хоть пить кофе в любое время. И еще Вик знал, где там запасной выход. Это тоже играло не последнюю роль. Придет девчонка со своим двухметровым парнем, и на фига такая история Вику? Вот именно.

Он еще посидел немного в сети. Набил пару комментариев старым подругам и, не дожидаясь их реакции, выключил ноутбук. Ему хотелось спать. И чтобы не снилась разная фигня. И не вспоминалась змея и берег Илга. И тот Серый не вспоминался тоже. Он знал, что для этого нужно делать. Что всегда помогало.

Он представлял, как они с Норой едут вдоль зимней на-

бережной. Вокруг снег, внизу лед, троллейбус заносит перед остановками. И после остановок заносит тоже. А они сидят рядом и держатся за руки. И все.

С той, первой девчонкой, написавшей ему, Вик так и не встретился. Но писать стали часто. И девчонки, и парни, и взрослые. Только девчонки предлагали встретиться и прочую фигню, парни просили, а то и требовали принести из-за кордонов что-нибудь уникальное, чего здесь днем с огнем не сыщешь, а взрослые, чаще всего, просили отвести их туда, куда дорогу знал только Вик. По крайней мере, он единственный знал дорогу – раз, вернулся – два и написал об этом в своем блоге – три. Взрослые шли за своими детьми. Парни хотели стать круче всех. А девчонкам мечталось о большой и чистой любви. Иногда Вику выть хотелось, до чего все было одинаковыми.

Первый заказ он взял с опаской. От аванса отказался – вдруг ничего не получится. Но все получилось, и денег ему заплатили даже сверх обещанного. Отводить людей за кордоны он не любил, но это стоило дорого, очень дорого. На эти деньги можно было купить самое лучшее снаряжение. И спокойно жить какое-то время, без переходов туда-обратно и без заказов. Поэтому проводником Вик иногда работал. Но только для взрослых. Ни детей, ни подростков не водил никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.